Глава 4. Мемуарная проза Маргариты Сабашниковой¹

DOI 10.15826/B978-5-7996-3277-9.12

Мемуары «Зеленая змея» являются самым известным и читаемым литературным произведением Маргариты Сабашниковой. Смыслообразующее название текста представляет собой прямую ссылку на гетевский текст «Сказка» из цикла новелл «Разговоры немецких беженцев», что свидетельствует о важном значении текста Гете для Сабашниковой, так как персонаж Зеленой змеи играет в «Сказке» решающую роль.

Нужно, однако, учитывать, что главным источником размышлений Сабашниковой над текстом Гете был не текст сам по себе, а интерпретация «Сказки» Р. Штейнером, считавшим ее одним из ключевых источников вдохновения при формировании своей эзотерической мировоззренческой системы.

Процесс создания мемуаров оказался длительным. Уже в 1926 г. в журнале «Die Christengemeinschaft» появились отдельные главы о встрече Сабашниковой с пастухом Макарием и о святом Серафиме. Основная часть будущей книги была продиктована и записана в конце Второй мировой войны. Хронология событий, описанных в книге, охватывает время от самого раннего детства Сабашниковой в Москве до ее переселения в Штуттгарт в 1924 г.

В предисловии Сабашникова заявляет о намерении написать и вторую часть воспоминаний, но сделать это ей не удалось. Причиной стали, по мнению Р. Вермбтер, «постепенно угасающие силы» Сабашниковой, остаток которых она решила посвятить живописи².

Первое издание на немецком языке было осуществлено в 1954 г. С тех пор книга Сабашниковой выдержала уже 7 немецкоязычных переизданий. Наброски ко второму тому сохранились в ар-

¹ Příspěvek vznikl za podpory MŠMT ČR udělené UP v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

² *Wermbter R. Margarita Woloschin. Stuttgart, 1982. S. 29.*

хиве Гетеанума в швейцарском Дорнахе, однако с точки зрения темы настоящей статьи они не имеют особого значения.

«Русская» судьба «Зеленой змеи» складывалась непросто. М. Жемчужникова перевела текст уже в 1975 г., т. е. в том же году, когда она пишет и свои «Воспоминания о московском антропософском обществе». Понятно, что в силу политических обстоятельств нельзя было питать надежду на официальную публикацию мемуаров в Советском Союзе. Полностью издать «Зеленую змею» на русском языке с примечаниями на научной основе удалось только в 1993 г.

Обратимся сначала к «Зеленой змее» как *за-тексту* гетевской «Сказки» и ее антропософского толкования Р. Штейнером. На прямое отношение не только названия мемуаров, но и их содержания к «Сказке» Гете Сабашникова указывает с самого начала. Уже в эпиграфе она приводит цитату из «Сказки» Гете, завершающей части цикла новелл «Разговоры немецких беженцев»: *“Der Tempel ist erbauet... Noch ruht er in den Tiefen der Erde, sagte die Schlange. Ich habe die Könige gesehen und gesprochen... Ich hörte die großen Worte im Tempel ertönen: es ist an der Zeit”*³.

Здесь сразу затрагивается ключевая для любой мемуаристики тема времени, его течения и, главное, субстанциальных, epochальных перемен. Это является одним из важных факторов при интерпретации символического характера книги Сабашниковой и ее отношения к Гете и Штейнеру, с учением которого она начинает знакомиться уже с 1905 г.

Речь идет прежде всего о трижды повторенном в «Сказке» восклицании *“Es ist an der Zeit!”* (Время наступило!). Прямое отношение этого восклицания к библейскому Апокалипсису доказал Дитрих Спитта, вспомнив о высказывании Гете, в котором он не только отмечает внутреннюю связь своей «Сказки» с Апокалипсисом, но и хочет увидеть в ней текст пророческого характера⁴.

Интерпретации символа змеи как изменения (в том числе с темпоральным семантическим оттенком) приводит немецкий ис-

³ «Храм построен... Он еще скрыт в глубинах земли, – сказала Змея. – Я видела королей и говорила с ними... Я услышала великие слова: “Время наступило!”» (перевод мой. – П. В.). – Woloschin M. Die grüne Schlange. Stuttgart, 2009. S. 7.

⁴ Spitta D. Goethes Einweihung und sein Märchen von der grünen Schlange und der schönen Lilie. Stuttgart, 2008. S. 121.

следователь Х. Кречмер – змея, сбрасывающая кожу в качестве самообновления. В разных культурах змея, кусающая себя за хвост, – символ вечно повторяющегося течения и непрерывности времени⁵.

Элемент обновления, перехода из одного временного пространства в другое присущ, таким образом, символической интерпретации змеи в мировой культуре вообще. Находясь под влиянием текста Гете и его толкования Штейнером, Сабашникова эту трактовку расширяет в сторону антропософских идей.

Она объясняет выбор названия своей автобиографии в предисловии к четвертому изданию «Зеленой змеи» в 1968 г. тем, что человечество находится, по ее убеждению, на некотором переломе времени, границе смены двух эпох. Свою жизнь она воспринимает как симптоматическую цепь событий, некую внешнюю манифестацию глубинного смысла, как архитектурное сооружение, созданное высшим Мастером⁶.

Словосочетания «перелом времени», «смена эпох» вносят в самом начале в мемуары элемент апокалиптики, усиленный за счет прямой ссылки на текст Гете, в котором Сабашникова усматривает праобразы сил, действующих в человеке и вне его.

Аллюзии на текст Гете ограничиваются у Сабашниковой не только прологом. Так, к примеру, две из шести глав автобиографии названы словосочетаниями, взятыми непосредственно из «Сказки». Речь идет о двух последних главах: «Открытая тайна» и «Тень великана». Это доказывает, что Сабашникова рассматривала части своей жизни напрямую через призму «Сказки» Гете.

Основным толчком для чтения и интерпретации «Сказки» оказались для Сабашниковой, как указано выше, мысли Рудольфа Штейнера⁷. Именно для него «Сказка» являлась ключом для понимания духовных процессов в человеке и космосе. Штейнер убежден, что текст Гете не только призывает читателя проинтерпретировать его, но и вселяет в него медитативное настроение, благодаря которому он может понять зашифрованные открытия Гете надлежащим образом⁸.

⁵ Kretschmer H. Lexikon der Symbole und Attribute in der Kunst. Stuttgart, 2011. S. 366–371.

⁶ Woloschin M. Die grüne Schlange. S. 9.

⁷ Ibid. S. 263.

⁸ Steiner R. Mein Lebensgang. Dornach, 2011. S. 183.

Исследователь жизни Штейнера К. Линденберг обобщает отношение Штейнера к энигматическому гетевскому тексту, полагая, что он толковал образы «Сказки» как символическое изображение взаимосвязей между разными духовными силами в мире⁹, что полностью совпадает с пониманием текста Сабашниковой.

Уже в 1899 г. Штейнер предлагает своей аудитории текст под названием «Тайное откровение Гете», переработанный им в 1918 г. В обоих случаях делается упор на пророческий характер текста Гете, что подчеркнуто использованием слова *откровение*. Штейнер здесь дает полный обзор своих размышлений по поводу «Сказки» и свое толкование ее образов.

В центр своей интерпретации Штейнер ставит двух героев – Змею и Лилию. Не случайно именно в антропософских кругах принято добавлять к первоначальному названию «Сказка» еще и вышеприведенных персонажей – «Сказка о зеленой Змее и прекрасной Лилии». Впоследствии Сабашникова придет к убеждению, что образы в «Сказке» нужно понимать как отображение настоящих процессов духовной реальности, увиденных Гете с помощью внутреннего глаза так, будто бы они существовали в мире физическом¹⁰.

Именно в образе Зеленой змеи Сабашникова видит символ своего жизненного пути. Он представляет собой олицетворение – пробраз процессов в душе отдельного человека и человечества в целом, вплоть до смысла истории¹¹.

По Штейнеру, Зеленая змея представляет жизненный опыт души. Он со временем все растет и растет, змея поглощает все больше и больше золота. Однако все это имеет смысл только в том случае, если Змея поймет, что золото надо поменять на мудрость жизни, пожертвовать собой не только ради своего духовного подъема, но и всего космоса.

Вот содержание четвертой тайны, последней и не сказанной вслух, о которой ведется разговор в подземном храме в присут-

⁹ *Lindenberg Ch.* Rudolf Steiner. Reinbek bei Hamburg, 2011. S. 65–66.

¹⁰ *Steiner R.* Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung durch sein “Märchen von der grünen Schlange und der schönen Lilie”. Stuttgart, 2011. S. 75.

¹¹ *Woloschin M.* Die grüne Schlange. S. 373.

ствии четырех королей, Змеи и старика. В тот момент, когда Змея прошепчет старику, что она поняла тайну и свою задачу, старик воскликнет: *Es ist an der Zeit!*

Теперь уже можно возвести мост между берегом физического мира и мира духовного. Такое объединение в будущем обязательно должно произойти и в реальности. Однако сначала необходимо, чтобы этот «мост» появился в отдельных человеческих душах¹².

Данное толкование вещей мы встречаем без каких бы то ни было отклонений в мемуарах Сабашниковой. Змею она понимает как закрытое в себе Я, которое должно добровольно принять решение расти в духовном плане. Найти в себе отвагу меняться, расширяться. Данную задачу она считает главной и находит этому подтверждение в разных событиях собственной жизни¹³.

Штейнер говорит в связи с этим о необходимости постепенного отмирания обыденного Я – ненужной больше змеиной кожи. Таким образом, судьба Змеи представляет собой постепенный путь самопознания и самосовершенствования человеческой души, устремленной к достижению высших планов сознания¹⁴.

Не случайно первые мемуары Сабашниковой, которые она после написания «Зеленой змеи» сочла превзойденными и так и не завершила, назывались «Мост из радуги» (*Die Regenbogenbrücke*). Именно в такой мерцающий мост превращается Зеленая змея, исполнив свой долг, т. е. растворив свое Я, объединив физический и духовный миры.

Следующим важным моментом, связывающим текст Сабашниковой со «Сказкой» и мышлением Штейнера, является его интерпретация персонажей четырех королей, находящихся в подземном мире. Они должны символизировать определенные духовные процессы, происходящие в космической эволюции человечества, – четыре эпохи развития человеческой души.

Золотой король представляет собой мышление и мудрость, серебряный – чувство, в том числе эстетическое, медный – хотение, волю и власть. Четвертый король представляет хаотиче-

¹² Steiner R. Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung... S. 80.

¹³ Woloschin M. Die grüne Schlange. S. 263–265.

¹⁴ Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. S. 66.

скую смесь этих феноменов, не нашедших еще в человеке упорядоченности и полного развития¹⁵.

Именно он, по Штейнеру, символизирует духовное состояние человечества в настоящем. Как только змея объединит два мира – два берега (субстанциальная перемена в потоке времени), четвертый король рассыпется. Человек должен стать в новой эпохе хозяином в доме своей души, не допустить, чтобы она правила им. Тогда он станет свободным и ему откроется дверь в мир сверхчувственный¹⁶. О таком типе грядущего «нового человека» пишет и Сабашникова в своей автобиографии, и Штейнер в своем эссе¹⁷.

Подытоживая размышления Штейнера по данному поводу, Прокофьев усматривает в них указание на «духовные импульсы»¹⁸, которые сегодня существуют только как задатки в личности отдельного человека, но они должны превратиться в наступающей эпохе (Штейнер убежден, что это будет эпоха славянская) в общее достояние социальной жизни человечества. Штейнер утверждал, что «в будущее восточноевропейской культуры Гете вглядывался инстинктивно»¹⁹.

Социальную сторону и грядущую всеобщность новой духовности человечества, образ новозаветной Филадельфии, Сабашникова тематизирует в «Зеленой змее», описывая свои впечатления от атмосферы лекционных циклов для антропософов в Гельсингфорсе²⁰. Она воспринимает это как подготовку русских антропософов к наступлению новой эпохи в духовной эволюции, в которой человек наконец-то сознательно поймет свою и духовную, и физическую природу, что даст ему возможность возвысить свою плоть до сферы духовного, объединить их²¹.

¹⁵ Spitta D. Goethes Einweihung und sein Märchen... S. 126.

¹⁶ Ibid. S. 129.

¹⁷ Steiner R. Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung... S. 81.

¹⁸ Prokofjeff S. Die geistigen Quellen Osteuropas und die künftigen Mysterien des Heiligen Gral. Dornach, 1989. S. 393.

¹⁹ Ibid. S. 392 (перевод мой. – П. В.).

²⁰ Сабашникова М. Зеленая змея. История одной жизни. М., 2015. С. 262 и др.

²¹ Steiner R. Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhang mit der germanisch-nordischen Mythologie. Dornach, 1982. S. 181.

В автобиографии Сабашниковой можно также найти одно место, которое заслуживает отдельного разговора. Речь идет о предпринятом Сабашниковой расширении толкования «Сказки» в штейнеровском смысле, т. е. о понимании ее образов исключительно в качестве изображения реальных духовных процессов в развитии индивидуума и человечества в сторону интерпретации реально состоявшихся исторических событий.

Сабашникова реализует данную модификацию штейнеровской концепции в рамках своих мемуаров, аллегорически сравнивая Временное правительство, сформировавшееся после Февральской революции 1917 г., с некоторыми героями «Сказки».

Она описывает свое непонимание логики поступков представителей Временного правительства, которые, по ее убеждению, пользовались необоснованными, абстрактными аргументами.

Их праобраз она усматривает в легкомысленных блуждающих огнях, одних из немногих отрицательных персонажей в «Сказке» – представителей абстрактного интеллекта, который злоупотребляет золотом, не меняя его на реальные плоды мудрости. Такое золото в «Сказке» вызывает страшное наводнение, которое Сабашникова сравнивает со стихией Октября²².

Негативное отношение Сабашниковой к большевизму, нашедшее свое выражение в ее мемуарах, продиктовано отчасти Штейнером и связано с мыслью об измене настоящей «русской идее», заключающейся в поддержке духовности и ее развития, а не в ее материалистическом уничтожении²³.

Таким образом, Сабашникова транспонирует эзотерическую и историософскую интерпретацию «Сказки» Штейнера в область «реальной» истории, перенеся эти образы на частные исторические события и интерпретируя их со своей точки зрения.

Из вышеприведенного вытекает, что концепция Штейнера позволяет толковать героев и образы «Сказки» с двух точек зрения, чем Сабашникова и воспользовалась.

²² Woloschin M. Die grüne Schlange. S. 445.

²³ Steiner R. Geisteswissenschaft als Erkenntnis der Grundimpulse sozialer Gestaltung. Dornach, 1985. S. 114.

С одной стороны, перед нами символическое изображение внутренних духовных механизмов развития личности, а с другой – инструмент для понимания процессов духовной эволюции человечества. Если наступающая эпоха будет проходить под знаком экзотеризма, открытого и доступного каждому духовного преобразования – храм уже стоит на земле, он виден всем, – то настоящая эпоха является периодом, когда эти перемены проходят тайно, т. е. носят эзотерический характер, храм все еще скрыт под землей.

Мы видим, что «Сказка» в интерпретации Штейнера является для Сабашниковой призмой, через которую она рассматривает не только внутреннюю структуру своей личной жизни, некоторые исторические события, очевидцем которых она стала, но и архитектонику эволюции человечества.

«Зеленую змею» Сабашниковой можно трактовать также и как своего рода базовый *текст* по отношению к *затекстуальным* рефлексиям в рамках антропософской среды в виде писем и рецензий, касающихся рецепции этой книги. Они сохранились в архиве дорнахского Гетеанума и позволяют создать репрезентативную картину рецепции не только «Зеленой змеи», но и личности М. Сабашниковой в немецкоязычной антропософской среде.

Издание «Зеленой змеи» и вне антропософских кругов было воспринято, по крайней мере в локальной культурной жизни, как незаурядное событие. Так, 13 сентября швейцарская газета «Der Landbote» в городе Винтертур печатает рецензию, посвященную книге Сабашниковой. Автор в ней подчеркивает «душевную силу» Сабашниковой, с которой она смогла противостоять всем личным и историческим катаклизмам, которыми ее жизнь была в высшей степени насыщена. Эта сила коренится, по мнению рецензента, в «*религиозной субстанции, которая присуща этому [русскому] народу и определяет в том числе и жизнь автора [воспоминаний]*»²⁴.

²⁴ Der Landbote, вырезанная рецензия // Rezension des Buches "Die grüne Schlange". 1955. Vom. 13. 9, № 231. Personendokumentation, Woloschin Margarita, Goetheanum Dokumentation // Archiv, Dornach. Einheit 006, Mappe 0603, 1955. (Здесь и далее все выдержки из рецензий и писем переведены с немецкого на русский язык мной. – П. В.).

Необходимо также упомянуть рецензию К. А. Хорста на «Зеленую змею» в журнале «Merkur», в котором публиковались и М. Бубер, и Х.-Г. Гадамер. Статья была напечатана в 1954 г., т. е. в год первого издания мемуаров, под названием «Unsere liebe Frau von der ewigen Unruh».

За счет игры слов Сабашникова, с одной стороны, сравнивается с Девой Марией, а с другой, в отличие от Богородицы – источника вечного покоя, ей приписывается атрибут «вечного не-покоя», непрекращающихся жизненных переворотов, свойственных столь плодотворному и трагическому времени в России, но представленных в структуре текста как *«путь – лестница к высшему познанию»*²⁵.

К. А. Хорст в статье подхватывает распространенную мифологию о загадочности русской души, утверждая, что, читая воспоминания Сабашниковой, *«мы опять стоим перед загадкой русского народа и русской души»*. И дальше: *«Мы видим, как все становится для русского человека учением о спасении: нигилизм и материализм, мистическая религиозность и дионисийский культ красоты»*²⁶.

Хотелось бы в список Хорста вписать и штейнерианство (не только) М. Сабашниковой. Это, однако, читается в подтексте его замечания о том, что синтетический характер антропософии, смиривший интеллектуальные требования эпохи научного мышления с религиозным миропониманием, представлял для многих *«спасительное освобождение»*²⁷.

Однако неудивительно, что самые восторженные отзывы в адрес «Зеленой змеи» приходили из антропософской среды, для которой воспоминания человека, тесно связанного с личностью Штейнера и продолжением его дела, представляли особый интерес. Уже в первом номере антропософского журнала «Die Drei» за 1955 г. была напечатана хвалебная рецензия Г. Альбрехта, содержащая краткую информацию об авторе и книге²⁸.

²⁵ Horst K. A. Unsere liebe Frau von der ewigen Unruh, Merkur, Jahrgang 8, Heft 82, 1954. S. 1189.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 1191.

²⁸ Albrecht G. Margarita Woloschin: Die grüne Schlange // Die Drei. 1955. № 1.

Еще раньше, в ноябре 1954 г., в одиннадцатом номере педагогического журнала «Erziehungskunst», издаваемом общиной вальдорфских школ (Bund der Freien Waldorfschulen), появляется рецензия на книгу Сабашниковой жены антропософа Э. Вейс-сера, Элизабет. В тексте говорится прямо о теме «русской идеи», будущем русского народа и его особенном характере, который пока перекрыт советским настоящим.

Одной из самых больших заслуг этой книги является тот факт, что мы снова учимся видеть русский народ таким, какой он есть по своей идее, и, если мы верим в невозможность уничтожения сердца, таким, каким он будет. <...> Мы чувствуем [в книге] с уважением, любовью и некоторой долей зависти народ, для которого духовность является отнюдь не достоянием отдельных «опытных» избранников, а врожденной способностью всех.

Дальше она сожалеет о том, что *«русская духовность в Германии открыта так поздно»*. Люди круга Сабашниковой, представители русской духовности и культуры рубежа веков, приравниваются к славной эпохе немецкого романтизма. *«Людей такого духовного уровня и такого универсального образования при внутренней живучести у нас не было со дней романтизма, разве что как единичные явления, а не как широкий круг»*²⁹.

Отдельно надо рассмотреть личные письма, которые получала сама Сабашникова и которые сохранились в дорнахском архиве. Собрание этих писем дополняет представление о резонансе мемуаров Сабашниковой, хотя на соответствующей папке имеется примечание карандашом – *неполно*.

Письма дают возможность нарисовать картину восприятия ее мемуаров частными лицами непосредственно в первые годы после их издания. Одновременно они позволяют увидеть личность Сабашниковой глазами ее современников – немецких и швейцарских антропософов.

Итак, из письма от 31 января 1962 г., присланного ей в честь ее восьмидесятилетия городской организацией Антропософского общества в Штуттгарте, можно определить три области дея-

²⁹ Weißert E. Margarita Woloschins Lebenserinnerungen (‘‘Die grüne Schlange’’)// Erziehungskunst. Jahrgang 18, Heft 11. 1955. S. 331–333.

тельности Сабашниковой, в которых она, по мнению адресантов, преуспела и заслужила в антропософских кругах уважение.

Первой областью следует считать ее жизнь рядом со Штейнером. Здесь она выступает как живой свидетель великих событий в духовной жизни современности. *«Как почти никто другой, Вы живете среди нас как свидетельница преподавательского и художественного подвига Рудольфа Штейнера <...> как свидетель великого времени откровений нашего века»*³⁰. Дальше подчеркивается ее национальность, которая связывается в сознании авторов письма напрямую с особым положением русского народа в рамках антропософской историософии (наступающая славянская эпоха): *«При этом Ваше пребывание в антропософской среде получило особенную окраску за счет Ваших корней в столь любимом нами славянском мире»*. Значение ее русского происхождения для штуттгартских антропософов в письме кульминирует тогда, когда автор провозглашает Сабашникову символической фигурой и живущим посредником духовных отношений между Германией и Россией. *«Через Вас мы, люди, рожденные в Центральной Европе, чувствуем себя объединенными со смыслом и задачей славянского Востока»*³¹.

Второй областью является деятельность Сабашниковой как художника. В ее творчестве должны были слиться *«импульсы Штейнера с детскими впечатлениями и религиозными переживаниями русской родины»*.

А третья область – это ее влияние на антропософов как писателя словесной образностью своей книги. *«Зеленая змея»* стала для штуттгартских антропософов источником *«неисчерпаемого и неисчерпанного перечня образов, которые при каждом прочтении обновляются»*. Книга стала настоящим *«душевым имуществом всех Ваших “причастных”, как мы назвали себя выше»*³².

В подобном тоне написано и письмо от 17 февраля 1972 г., сочиненное Х. Барнесом и отправленное из Южной Швейцарии.

³⁰ Anthroposophische Gesellschaft in Deutschland. Brief an M. Woloschin anlässlich ihres 80. Geburtstages. Unveröffentlicht. Personendokumentation, Woloschin Margarita, Goetheanum Dokumentation // Archiv, Dornach. Einheit 006, Mappe 0603, 1962.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

рии – из Асконы. Мемуары Сабашниковой открывают *«путь к истинной русскости и, одновременно, Рудольфу Штейнеру и антропософии»*³³.

Существует также письмо, сохранившееся не полностью, имя отправителя неизвестно, но тем не менее оно ценно, так как было написано почти непосредственно после издания воспоминаний – 3 марта 1955 г. В нем вновь напрямую связаны представления о будущей миссии русского народа в эволюции человеческой истории с творчеством Сабашниковой. Очевидно, что автор знаком с азами штейнеровского взгляда на данную проблематику, так как он употребляет применяемые Штейнером «органические» метафоры.

Книга представляет *«неимоверно живое впечатление от кроющих в себе тайну глубин русской души»*. Она несет в себе *«невидимые светящиеся зародыши»*, из которых в будущем должны созреть плоды. Автор пришел после прочтения книги в такой восторг, что в нем пробудилась *«мечта родиться в следующей жизни русским человеком»*³⁴. Адресант также высказывается по поводу особенной связи русского народа с импульсом Христа (по Штейнеру, ключевой момент человеческой истории), называя его «чаянием Христа» и усматривая его сильнейшее проявление в творчестве русских писателей, конкретно Тютчева и Баратынского.

Он выстраивает связь между этой спецификой русских литераторов и их отношением к столь важному для антропософов феномену Гете и гетеанизма, причем именно Тютчеву и Баратынскому принадлежат стихи, посвященные смерти Гете. Видимо, автор письма знал стихотворение Тютчева «На древе человечества высоком...», написанное, предположительно, после смерти немецкого поэта, и стихи Баратынского «На смерть Гете».

Несмотря на свою явную эрудицию в отношении русской культуры, автор сознается, что только через книгу Сабашниковой *«я вступил в новое, интимное отношение с русской душой»*³⁵.

³³ Barnes H. Brief an M. Woloschin vom 17. 2. 1972. Unveröffentlicht. Personendokumentation, Woloschin Margarita, Goetheanum Dokumentation // Archiv, Dornach. Einheit 006, Mappe 0603, 1972.

³⁴ Damian E. Brief an M. Woloschina vom 3. 3. 1955. Unveröffentlicht. Personendokumentation, Woloschin Margarita, Goetheanum Dokumentation // Archiv, Dornach. Einheit 006, Mappe 0603, 1955.

³⁵ Ibid.

В следующем письме звучит тема потери «старой, настоящей России», уничтоженной советской властью, которая появляется и в «Зеленой змее», в главе о святом Серафиме, а также находит отклик и в вышеупомянутой заметке в «Der Landbote». 12 января 1955 г. преподаватель Эрвин Дамиан, не принадлежащий, между прочим, антропософскому движению, пишет Сабашниковой о том, что *«мир великих русских личностей XIX века после революции 1917 г. исчез»*. И только благодаря ее книге он вновь появился: *«этот мир русской земли и русских людей»*. Автор также подчеркивает тот факт, что он во время Второй мировой войны, будучи втайне противником гитлеровского режима, воевал на Восточном фронте и характер простого русского человека и русские бесконечные зимние дали он знает по личному опыту³⁶.

Рецензии и письма, сохранившиеся в дорнахском архиве, наглядно показывают, что Сабашникова и ее мемуары стали в антропософских кругах Германии олицетворением подлинной России, временно находящейся во власти враждебных ей сил, и ее миссии в рамках развития человеческой истории. Сабашникова здесь предстает как живая духовная связь России с Германией и как свидетель и продолжатель дела Рудольфа Штейнера.

Если подытожить изложенное, то суть автобиографического мифа М. Сабашниковой, запечатленного главным образом в «Зеленой змее», заключается в прочтении собственной жизни и переносе ее событий на всю эпоху через призму гетевской «Сказки» в символическо-эзотерической трактовке Р. Штейнера. М. Сабашникова ощущает себя причастной к тайнам наступления новой эпохи, которая принесет, по Р. Штейнеру, качественно новое понимание духа и тела, наступит их полное объединение под предводительством славян.

Жизнь текста мемуаров продолжается в виде отзывов и писем немецкоязычных антропософов второй половины XX в., рассматривавших «Зеленую змею» как свидетельство подлинно антропософского пути Сабашниковой и как связанный с ней образ окрашенной в антропософские тона идеальной России.

³⁶ Damian E. Brief an M. Woloschin vom 12. 1. 1955. Unveröffentlicht. Personendokumentation, Woloschin Margarita, Goetheanum Dokumentation // Archiv, Dornach. Einheit 006, Mappe 0603, 1955.

Мемуары Сабашниковой представляют, таким образом, некий диалог *текста* и *за-текста*, превращаясь то в одно, то в другое в связи с двойным характером этого произведения, вдохновленного жизнью своего автора, Гете и Штейнером и одновременно вдохновившего довольно широкий круг читателей-антропософов.